

Понедельник отец провел в ЦК, принимал посетителей, а главное, готовился к визиту в Финляндию, очень важному для него визиту. Эту маленькую соседнюю капиталистическую страну, в 1940 году смертельно обиженную Сталиным, затем вместе с Гитлером, воевавшую против нас, отец, по примеру Австрии, хотел сделать не просто нейтральной, но и дружеской, превратить ее в партнера, сориентировать финскую экономику на Советский Союз. Отцу нравился финский президент Урхо Калева Кекконен. Они, казалось, нашли общий язык, оба прагматически смотрели в будущее: соседей не выбирают и по-соседски надо устраивать жизнь к обоюдной выгоде. Вот сейчас отец и занимался этой обоюдной выгодой, обсуждал с Павлом Николаевичем Кумыкиным, заместителем министра внешней торговли, он тоже ехал в Финляндию, что мы можем предложить финнам, и что нам следует закупать у них.

Отношения только начинали складываться. Кумыкин доложил: в 1957 году товарооборот не достигает и пары сотен миллионов инвалютных рублей. Разоренные войной финны брали у нас всего понемногу: машины, станки, металл, а продавали финские щитовые домики, оконные рамы, двери, другую столярку, да еще вкуснейший сыр «Виола». Не густо. Отец поморщился, – мало, да и ассортимент простоват. Но надо же с чего-то начать, а при нашем размахе строительства финская, более качественная столярка совсем нелишняя. Он попросил Кумыкина подумать, как в 1958 году к взаимной выгоде увеличить товарообмен, во время визита обсудить с финнами номенклатуру будущих взаимных поставок. Если получится, то они прямо там, в Хельсинки, смогут подписать соответствующие соглашения.

Утром во вторник 4 июня отец отправился в «Детский мир», что на Лубянской площади (в то время площадь Дзержинского). Там отца поджидали остальные члены коллективного руководства, и те, что в воскресенье «веселились» у меня на свадьбе, и те, кого туда не пригласили. Отсутствовал один Жуков. Почему? Сейчас я уже не могу припомнить, но наверняка на то имелись серьезные причины. После избрания кандидатом в члены Президиума ЦК Георгий Константинович старался не пропускать таких коллективных «выходов в свет».

«Детский мир» строили по специальному распоряжению отца. КГБ возражало против появления поблизости от их штаб-квартиры объекта, привлекающего к себе массу людей. Среди них могут затесаться и вражеские агенты, в толпе же за ними не уследишь. Соответствующую бумагу направили Хрущеву, но он придерживался иного мнения и на предостережение органов внимания не обратил. Новостройка эта была у всех на слуху. В послевоенные годы в СССР таких больших магазинов не возводили, и по элементарной причине – просто недоставало товаров. Обходились оставшимися еще с дореволюционных времен ЦУМом, что по соседству с Большим и Малым театрами, когда-то его звали Мюр-Мюрилиз, Пассажем на Петровке (бывшими Торговыми рядами), ГУМом да еще несколькими универмагами. Новые торговые помещения обычно размещали на первых этажах новостроек. Теперь товаров становилось больше, много больше, хотя и не настолько, чтобы ликвидировать очереди. Вслед за «Детским миром» началось сооружение крупных многоэтажных торговых центров и в Москве, и в других крупных городах. Отец следил за ходом работ не только из

окна автомашины, утром по дороге в ЦК и вечером, когда возвращался домой, но и пару раз без предупреждения останавливался на стройке, просто просил шофера притормозить, поднимался на этажи, придирчиво проверял качество работ. И вот теперь открытие! Магазин производил впечатление и своими размерами, и прилавками, полными всего, чего только можно пожелать, от одежды и специальной детской мебели до игрушек на любой возраст. Москвичи постарались, отдали в «Детский мир» все свои запасы.

4 июня 2007 года «Детский мир» справил свое пятидесятилетие. Об отце не вспоминали, никто уже не помнил, в каких муках рождался универмаг, через полстолетия представлялось, что он построился сам собой. Что ж, людям свойственна забывчивость, но главное, что многие годы «Детский мир» радовал малышей, которая и понятия не имела о каком-то Хрущеве.

Во вторник вечером все коллективное руководство, включая и Жукова, в Большом театре на заключительном концерте Декады татарского искусства и литературы в Москве.

5 июня они всем коллективом на Ленинградском вокзале провожают отца с Булганиным в Финляндию. Не думаю, что к тому времени уже сложился конкретный план отстранения отца от власти, что, где, когда.

Итак, отец отправился в Финляндию.

Через пару дней после его отъезда пришла пора нашей преддипломной производственной практики, и мы с женой на месяц уехали в Загорск, на «Скобянку», секретный «Скобяной завод», осваивавший производство компьютеров, главным образом, для военных целей. Рабочую неделю мы находились в Загорске, жили там в общежитии, в Москву ездили только в выходные. Поэтому последующие события отложились в моей памяти редким пунктиром.

В Финляндии отца с Булганиным встречали тепло, я бы сказал дружески. Финский президент Кекконен как мог демонстрировал гостеприимство. Он даже пригласил высоких гостей в свою личную президентскую баню. Большого, по финским меркам, и представить невозможно. Отец приглашение принял, а Булганин отказался, проворчал, что уже сегодня принял ванну у себя в гостевой резиденции. Кекконен на Булганина обиделся. С отцом же с той поры у них начали устанавливаться не просто хорошие, но даже дружеские отношения. И все началось с посещения бани.

В 1960 году Урхо Кекконен выскажет пожелание подарить Никите Сергеевичу настоящую финскую сауну, пришлет своих строителей, они соберут ее там, где укажет отец. Последнее обстоятельство вызвало нервную реакцию КГБ. Допускать иностранцев на дачу Хрущева, на «объект»!

Финны привезли с собой в Москву бревна, доски, шайки, все до последнего гвоздя. Дальше дело застопорилось, на дачу их не пустили. Пришлось Кекконену звонить отцу. Отец вспылил, вызвал к себе тогдашнего председателя КГБ Шелепина и потребовал не ставить палки в колеса, не мешать его дружбе с президентом Финляндии.

Но вернемся в 1957 год. В целом визит прошел очень удачно. Вот только с новым экономическим соглашением, о котором накануне визита отец совещался с Кумыкиным, вышла заминка. Для его подписания требовалось одобрение Москвы.

11 июня, в понедельник, Президиум ЦК собрался на экстренное заседание. На рассмотрении один вопрос: телеграмма из Финляндии с просьбой срочно утвердить увеличение объемов торговли с этой страной. Договор планировалось подписать в Хельсинки уже завтра. Финны предлагали увеличить взаимные поставки на 50 миллионов рублей, отец считал возможным поднять планку на 100 миллионов. Кумыкин ждал ответа. В своей шифровке он сообщил, что изменения согласованы и с Хрущевым, и с Булганиным.

Председательствовавший на заседании Микоян проинформировал, что увеличение объемов торгового оборота рассмотрено и завизировано Госпланом, и поставил вопрос на

голосование. В подобных случаях, когда все со всеми увязано, решение принимали без задержек, но не на этот раз.

– Что мы покупаем у финнов? Оконные рамы, двери, барахло одно. Вот бы только ублажить капиталистов. Мы и так слишком много покупаем у финнов и слишком много продаем им, – раскричался Молотов. – Это все твои штучки, Анастас. Ты Хрущеву потакаешь во всем, он там с Кекконеном в бане водку пьет и по пьянке обещает с три короба, а ты ему потакаешь.

И так далее, в том же духе. Молотова поддержал Каганович, ему поддакивал Ворошилов. Микоян расстроился, сник, но тут Молотов одумался, решил, видимо, что отказ настожит отца и предложил ответить на телеграмму положительно: утвердить запрашиваемые в ней дополнительные 100 миллионов инвалютных рублей.

Соответствующая шифровка ушла в Хельсинки, а отец так и не узнал о разразившемся в Москве скандале.

Утром в пятницу, 14 июня, отец с Булганиным поездом возвратились в Москву. На Ленинградском вокзале их встречали члены правительства плюс огромная толпа на привокзальной площади. По случаю возвращения запланировали митинг. После митинга отец с вместе Булганиным на одной машине, без заезда домой, отправились в Кремль пообедать.

За обедом собрались все члены Президиума ЦК. Отец с увлечением делился впечатлениями от поездки, отвечал на вопросы. Словом, этот обед ничем не отличался от множества предыдущих. Только Молотов угрюмо отмалчивался, но к его неудовлетворенности отец притерпелся.

На следующий день, в субботу, отец председательствовал на очередном рутинном заседании Президиума ЦК. Никаких спорных вопросов не предвиделось. По каждому пункту повестки дня перед заседавшими лежали обоснования, справки, заранее подготовленные и всеми завизированные проекты постановлений. Все шло по давно отработанной схеме: краткая информация заинтересованного ведомства, голосование, переход к следующему пункту.

Запнулись на 9-м пункте. Заместитель министра внешней торговли С. А. Борисов докладывал «О размещении в странах народной демократии заказов на поставку оборудования и машин в 1958 году». План подготовили тщательно, с самого начала года цифры согласовывали и пересогласовывали. Казалось бы, какие могут возникнуть придирки? Но при желании придирки всегда найдутся. Молотов «выразил сомнение насчет того, как это все увязано, насколько мы обоснованно планируем».

– Важно, *что* мы заказываем, – закончил он свое выступление.

Но Борисов именно об этом и докладывал. Казалось, Молотов не слышал докладчика. На самом деле Молотов слышал все, просто таким образом он выражал свое неудовольствие.

– О качестве поставляемого нам оборудования следует все выверить досконально, – неожиданно для отца поддержал Молотова Маленков.

– Баланса нет. Зачем у них станки заказываем? – вмешался Каганович и предложил вернуть документ на доработку, отложить на неопределенное время его подписание с представителями стран.

– Что значит оттянуть? – возмутился отец. – Не подписать соглашение вовремя – значит отказаться от заказов. Им же необходимо заранее знать, что мы купим, а что нет. Не купим оборудование, они к нам же придут за кредитами.

– Неужели мы должны принимать все на веру? – непривычно горячо возразил обычно флегматичный Первухин.

– В Совете Министров дополнительно рассмотреть, – вставил свое слово Ворошилов и предложил отложить решение вопроса на неделю, до следующего заседания Президиума ЦК.

Отец не понял, что изменится за неделю, стал объяснять, что ГДР и так уже нам должна почти 400 миллионов рублей. Примем план, они отдадут долг товарами. Не примем – не получим ничего. Мы уже решили, что в понедельник в Польшу должен вылететь Сабуров. Его там ждут, а без утвержденного плана ему делать там нечего. И вообще, если мы хотим сохранить социалистическое содружество восточно-европейских стран, то должны проводить политику, устраивающую всех. Иначе кому нужен такой социалистический лагерь?

Однако на его призыв никто не откликнулся.

– Если вы «против», то давайте голосовать, я с радостью останусь в меньшинстве. Большинству же придется отвечать за последствия безответственного решения, – рассердился отец, и тут его перебил Булганин, заявив, что не позволит говорить с собой в таком тоне, план явно сырой и принимать его нельзя.

Отец какое-то время внимательно смотрел на своего старого друга и неожиданно согласился отложить вопрос на время, все прояснить, а потом вернуться к его обсуждению.

Заседали еще около часа, все это время Булганин нервничал, вертелся на стуле, а после заседания обернулся к уже взявшемуся за ручку двери отцу, выкрикнул, что он не позволит...

Отец начал понимать, что дело не в балансе торговли с Восточной Германией или Польшей, но он еще не осознал, как далеко зашли «молотовцы». А зашли они очень далеко, сговорившись обо всем, ощущая, что за ними большинство в Президиуме ЦК, они чувствовали себя победителями, вот и дали волю своим эмоциям.

А он еще не знал, что произошло 10 июня, в воскресенье. В тот день, пока отец с Булганиным путешествовали по Финляндии, на заседании Президиума ЦК под председательством Микояна обсуждали проект торгового договора с Австрией. Микоян в апреле 1957 года ездил в Вену и вернулся с неутешительной информацией, в балансе австрийской внешней торговли доля СССР не превышает полутора процента – крайне мало по сравнению с 30 процентами, падающими на Западную Германию, поставлявшую австрийцам железную руду и уголь. Другими словами, те же товары, которые есть и у нас. Такой баланс не в нашу пользу, по мнению Микояна, мог поставить под вопрос австрийский нейтралитет. Во время визита правительство Австрии предложило Анастасу Ивановичу очень выгодные условия: в обмен на 500 тысяч тонн угля и 200 тысяч тонн железной руды продать нам уже в следующем году речные буксиры, сотню или даже более маневровых тепловозов, 240 тысяч тонн дефицитнейшей листовой стали, на 22 миллиона рублей обновить устаревшее советское оборудование целлюлозных комбинатов.

В случае одобрения советской стороной австрийцы обещали условия торгового соглашения пролонгировать и на последующие годы. Казалось бы, за такое предложение следует ухватиться обеими руками, но... Молотову одно напоминание об Австрии, о договоре, подписанном с ней в 1955 году его рукой, но вопреки собственной воле, по настоянию отца, вызывало прилив злобы. Он не сдержался, заикаясь, кричал, что, по сведениям Госконтроля, у нас собственное бумагоделательное оборудование валяется на складах, нам самим не хватает ни угля, ни железной руды, а тут «насовываем заказы на какие-то австрийские буксиры, паровозы», и все это ради неясной никому политической выгоды.

И это при том, что маневровых тепловозов при потребности в 3 100 единиц у нас вообще пока не производили. На 1958 год запланировали выпуск опытных десять штук.

Молотова поддержал Первухин: «К оборудованию для производства целлюлозы на 22 миллиона подойти критически. По железной руде у нас тяжело. Получается, давай, что придется».

Кагановичу не понравилась покупка маневровых тепловозов, они никому не нужны, как не нужны тепловозы вообще. Он еще не остыл от «тепловозных» баталий с отцом. С заместителем министра путей сообщения Н. А. Гундобиним, предоставившим цифры Микояну, он пообещал разобраться особо.

– Внешторг навязывает, – бушевал он, имея в виду Микояна, курировавшего в правительстве торговлю. – Не принимать решения, вернуться позже.

– Поручить Комиссии по внешнеэкономическим вопросам доработать. План нужен, – закричал Ворошилов.

Вконец расстроенный Микоян снял «свой» вопрос с обсуждения.

В субботу, 15 июня 1957 года, вечером мы с женой приехали на электричке из Загорска. Воскресенье вся семья провела на даче. Этот день ничем не отличался от множества выходных, гуляли с отцом, купались в Москве-реке, вместе обедали. Отец рассказывал о Финляндии, посмеялся, вспомнив, как Кекконен парил его веником в бане. К бане отец подходил утилитарно. На рудниках в Донбассе и потом в Киеве за отсутствием в квартире ванны, как все, ходил в баню мыться, не париться. После обзаведения ванной с баней покончил навсегда. Баня для отца оставалась символом бедности и неустроенности.

Вечером в воскресенье мы с женой уехали в Загорск, так как смена на заводе начиналась рано, где-то около 8 утра.

Понедельник отец провел в привычных заботах, принимал посетителей, отвечал на телефонные звонки, сам кому-то звонил. Днем все вместе обедали в Кремле. О столкновении в субботу не вспоминали. А вечером, тоже всем «коллективным руководством», отправились в посольство Народной Республики Болгарии на прием в честь 75-летия основателя Народной Болгарии Георгия Димитрова. На приеме пили, ели, разговаривали – все как обычно. Потом произносили речи. От советских гостей выступил отец. В заключение – концерт болгарских артистов. По домам разъехались не поздно.

День закончился, как обычно.